

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ПУЛЯ
ИЗ БУДУЩЕГО

Сергей Васильевич Самаров
Пуля из будущего
Серия «Спецназ ГРУ»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6900387
Сергей Самаров. Пуля из будущего: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72183-2*

Аннотация

В ходе спецоперации по уничтожению боевиков тяжелое ранение получает один из бойцов спецназа ГРУ. Командир подразделения приказывает рядовому Алексею Николаеву добраться до ближайшего населенного пункта и вызвать вертолет для эвакуации раненого. До села рядовой добирается без проблем, но там попадает в плен к местным жителям. Алексея сажают в подвал дома, хозяйка которого – известная чеченская ясновидящая Адина. Она проникается симпатией к пленнику и однажды предсказывает ему героическую судьбу: в скором времени рядовой Алексей Николаев совершит подвиг и спасет несколько десятков жизней...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	42
Глава 2	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Самаров

Пуля из будущего

Пролог

– Алексей! – позвал старший лейтенант Крамолов рядового Николаева, стоявшего спиной к нему.

Боец повернулся к командиру взвода:

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Тебе отдельная задача.

Солдаты взвода в это время переносили и складывали одно рядом с другим тела убитых боевиков. Они делали это аккуратно, не как менты, которые волокут тела по земле, взяв за ноги. При этом одежда задирается на шею, под нее набиивается земля, грязь, даже мелкие камни. Бойцы брали покойников за ноги и за руки и не тащили, а просто переносили. Командир взвода приучил их уважать врагов, даже убитых. Так они и делали. Но отдельная задача в любом случае лучше, чем возня с окровавленными трупами.

– Алексей, есть небольшое поручение. Попробуй выйти из ущелья. Утром за ним тоже связи не было. Я точно не знаю, но мне кажется, что в этой местности сотовые телефоны вообще не в почете. Все-таки попробуй позвонить со своей трубки. Не получится, тогда сходи в темпе в село. Пока

ты туда доберешься, уже, наверное, ночь нагрянет. Не забудишься?

– Я в темноте, товарищ старший лейтенант, как кошка вижу.

Командир взвода согласно кивнул. В ущелье, где они находились, уже было темно. Но тут и в разгар ясного дня света маловато. Слишком узкое ущелье, его стены совершенно отвесные, вертикальные. Но на равнине, за пределами этой теснины, наверное, вечер только еще начинается.

Старший лейтенант протянул рядовому клочок бумажки с только что написанным номером телефона и проговорил:

– Кошка – это хорошо. Она из числа самых умных на свете зверей. Говорят, даже толковее слона, обезьяны, дельфина и собаки. Задача твоя простая. Не дозвонишься, идешь в село. Добираешься туда и у первого встречного спрашиваешь, где от них позвонить можно. Допустим, из дома участкового или из любого другого. Секретных сведений ты не сообщишь, поэтому говорить можно с какого угодно телефона. Про участкового тоже спроси, выясни, где живет. Он представитель власти, обязан нам помогать. Найдешь аппарат, позвонишь по этому номеру. Это наш комбат подполковник Сидоркин. Скажи, что у нас ущелье глухое, связи нет и я не могу с ним поговорить. Доложи, что банда уничтожена. Семь человек убито. Во взводе потерь нет. Ранение только у командира, но легкое. Пуля прошла навывлет через мягкие мышцы бедра. Потому я не могу пойти в село. Пусть комбат

вызовет следственную бригаду. Будем до утра ждать. Если не прилетят, мы сами выступим. У нас сухой паек закончился. По плану операция должна была продолжаться четверо суток, а сегодня шестые пошли, как в горах ползаем. Мы и без того растянули запасы продуктов. Завтра уже будем голодать. Лучше, чтобы нас сняли вертолетом. Машине долго сюда добираться, да и дорога ни к черту. Все понял?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– Вопросы есть?

– Сколько километров до села?

– По карте – двенадцать. В действительности в пятнадцать выльется. Если путь через поле срежешь, в десять уложишься. Поспешай, пока там все спать не завалились. В сельской местности рано ложатся. Осторожнее с собаками! Там в каждом дворе кавказские овчарки. Злобные. Я сам видел, как хозяин подойти боялся. С лопаты кормил. Не лезь!

Николаев кивнул, лихо перебросил компактный автомат «9А-91» с руки на руку, поправил на себе разгрузку, надев ее поверх бронежилета, и двинулся в путь по сумрачному ущелью. Наствольный тактический фонарь на его автомате в целях экономии заряда аккумулятора светил слабо, рассеянно. В инструкции к фонарю такой свет назывался лунным, хотя сходства с ним имел не более, чем, скажем, собака с коровой. Хвост имеется как у той, так и у другой животины, но они совсем разные.

Для освещения пути рядовому Алексею Николаеву этого

вполне хватало. Главное, выйти из ущелья. Здесь камни под ногами. Тропы нормальной нет. А дальше, по долине, вообще идти будет просто. Там лишь бы за траву ногой не зацепиться.

Рядовой Алексей Николаев всегда был легок на ногу. Он шел быстро.

* * *

Встречу ему назначили рядом с Ярославским вокзалом. Вернее, Антон Денисов сам выбрал это место. У выхода из вокзала в сторону перронов для электричек. Он описал себя так, чтобы его можно было узнать, и пообещал держать в правой руке газету, свернутую трубочкой. Бумажные газеты в современной действительности стали уже такой редкостью, что сложно даже увидеть их у кого-то в руках. Значит, и спутать не получится.

Приглашать курьера к себе ему не хотелось. Жена не одобрила бы такую покупку, а она практически всегда находится дома. Заказ на тренажер «Бизон» Антон делал по телефону. Он сказал, что живет в другом городе, в Москве находится проездом, и попросил, чтобы товар доставили к вокзалу.

Ему не отказали. Видимо, покупатели не гонялись за таким продуктом.

А нужда в тренажере у Антона была. Кисть руки после перелома уже полгода не восстанавливалась, болела даже от

простейшей нагрузки, и ее требовалось разрабатывать. Тренажер «Бизон» как раз для этого и предназначен.

Стоимость этой вещицы не ахти какая. Но Антон с женой ютились в съемной квартире, пусть и без детей. У них не всегда имелись деньги, чтобы заплатить за жилье. Им приходилось постоянно и тщательно экономить, считать каждую копейку. Такой расход для семейного бюджета был бы обременительным. Антон два месяца понемногу откладывал, пока не набрал нужную сумму.

Теперь он ждал у вокзала курьера интернет-магазина. Вообще-то у Антона был в разгаре рабочий день, но он всегда имел возможность уйти куда-то и ни перед кем не отчитывался. Мастер, отвечающий за ремонт железнодорожных путей, даже обязан обходить все участки, где работают его бригады. Антон только что сделал это, убедился, что все в порядке, и отправился на Ярославский вокзал. Благо это совсем недалеко.

На улице моросил дождь. Погода стояла смурная и неприветливая. Здесь, рядом с дверьми, всегда толпились люди. Почти все они курили. Денисов никогда в жизни этим не занимался. Его тошнило от дыма, и он отходил все дальше и дальше от дверей, под дождь. Ничего хорошего в этом не было. Антон и так уже успел промокнуть. Он ухитрился приехать сюда намного раньше назначенного времени.

В здании вокзала курить было запрещено. Антон задержал дыхание и героически прошел через ядовитую дымовую

завесу к двери, чтобы ждать за ней, под крышей. Но сестра там было негде. Чтобы попасть в зал ожидания, где стояли жесткие диваны, следовало иметь билет на поезд.

Чтобы не стоять столбом, Антон начал прогуливаться по вокзалу и нечаянно оказался у колонны, где висел стенд, обклеенный объявлениями о розыске людей, пропавших без вести. Может быть, это произошло и не нечаянно. Вполне вероятно, что какая-то потусторонняя неведомая сила выгнала к дверям любителей покурить, чтобы они своим дымом отравили существование Денисова на улице и загнали его в помещение. А потом она же привела Антона к колонне.

О том, что такие силы существуют, Денисов знал абсолютно точно. Он прекрасно понимал, что случайностей в жизни не бывает. Все они являются итогом закономерности, хотя люди обычно об этом и не задумываются.

Мы с вами не привыкли отслеживать цепочки причинно-следственных связей, считаем, что в окончании какого-то процесса все решит только наш выбор. Но это у нас не всегда получается.

Денисов посмотрел на одно объявление, на другое. При взгляде на третье он вздрогнул и почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Неприятное ощущение!

Он увидел себя.

Имя, отчество и фамилия, конечно, были чужие. Но лицо, даже сильный шрам на брови – точно такие же, как у него. Только вот родинки на щеке у Антона не было. Но качество

принтерной распечатки было никудышным. Эта особая примета могла появиться там, где ее никогда не имелось. Обычное дело для дешевого массового тиража.

Антон прочитал текст и отчетливо понял, что написала его мать пропавшего человека. Он даже увидел перед собой ее лицо.

Губы женщины шептали то, что было напечатано на листке: «Люди добрые, помогите Христа ради. Пропал человек. По просьбе знакомого согласился перегнать машину из Челябинска в Москву. Последний раз звонил домой с дороги, когда из Башкирии въехал в Татарию. Ехать оставалось сутки. Больше о нем ничего не известно. Если что-то знаете, видели его, позвоните по телефонам...»

Далее следовали несколько номеров, в том числе и полиции.

Простые слова, без надрыва. Но почему-то они очень тронули Антона. Вдобавок его чуть-чуть задело упоминание Челябинска, откуда он был родом.

Денисов сощурил глаза и увидел все, даже автомобиль. Ярко-желтый «Шевроле» с двумя черными широкими полосами на капоте на высокой скорости несся по дороге. Асфальт был свежий, не укатанный. По краям его лежала россыпь щебенки. Антон разглядел и все остальное.

Но фотография была слишком уж плохого качества. Это легко могло сбить настрой Денисова. По хорошему снимку он мог бы сказать гораздо больше, даже найти этого челове-

ка.

Антон вытащил из кармана мобильник и позвонил по первому номеру в списке. Ему ответила женщина с севшим голосом. Видимо, она очень много плакала.

– Извините. Я по поводу вашего объявления о пропаже человека, – проговорил Денисов.

– Вы что-то знаете? Уже месяц прошел. – В голосе женщины отчетливо слышались нотки безнадежности.

Наверное, звонки уже были. Они вселяли надежду, которая потом пропадала. Это ломало наивную веру женщины в то, что все может завершиться благополучно. Так казалось Антону.

– Я ничего не знаю, просто увидел ваше объявление. Знаете, у меня иногда бывают какие-то видения. Они не всегда приходят. Но когда такое случается, я не ошибаюсь и точно все говорю.

– Вы экстрасенс?

– Сам я себя так не называю, но что-то типа того. Если вы принесете мне нормальную фотографию, то я попробую вам что-то сказать.

– Сколько это будет стоить?

Этот вопрос показал, что экстрасенсы уже не раз звонили женщине. А лишними деньгами она, видимо, не располагает. Это сразу как-то отложилось в голове Денисова. Он даже увидел большой список с крупными суммами. Должно быть, издержки по поиску пропавшего человека. Все в долг!..

– Я не беру за это денег, просто хочу помочь вам.

– Куда привезти фотографию?

Антон назвал адрес.

– Можно сегодня вечером? – спросила женщина.

– Да. Меня зовут Антон.

– Вы можете хоть что-то сказать прямо сейчас?

– Нет. Я боюсь ошибиться.

– Хоть что-то!..

– Скажите, машина – ярко-желтый «Шевроле» с двумя черными полосами на капоте?

– Вы видели его? – В голосе женщины проскользнула надежда.

– Нет. Я заметил ваше объявление, и у меня промелькнуло видение. Приносите фотографию.

– Хоть скажите, жив он?

Денисов помялся, но все же проговорил:

– Мне кажется, что нет. Вы уж извините.

– Хоть бы косточки собрать и похоронить по-человечески. – Женщина заплакала.

* * *

Начало ночи выдалось очень темным, каким и должно быть по сезону. Виной всему были плотные осенние тучи, плотно обложившие всю округу и зацепившиеся за окрестные горы, словно прилипшие к ним. Ветер не тормозил эти

тучи. Они оказались слишком тяжелыми для него.

Темнота совершенно не смущала рядового Николаева. Он шел быстро, уже давно выбрался из ущелья и двинулся сразу через холмы в сторону села. Скоро солдат увидел и огни.

Алексей решил, что идти по дороге было бы долго, и выбрал прямой путь. Так он выигрывал как минимум пару километров в одну сторону, столько же в другую. В итоге Николаев рассчитывал сократить время пути на полчаса, если не больше.

Сама дистанция, для кого-то, может быть, чрезвычайно долгая и сложная, для рядового Николаева была пустяковой. Чтобы двигаться в привычном ритме, он время от времени переходил с шага на легкий бег. Так его приучили еще в бригадном городке. Там время от времени бойцам задавались маршруты и подлиннее, и посложнее по своему профилю. Так что теперешнее задание можно было рассматривать как легкую разминку.

Сразу после выхода из ущелья Николаев попробовал позвонить со своего телефона. Ничего у него не вышло. Этот район был слишком уж отдален от вышек сотовой связи.

К селу он подошел не с самой удачной стороны. Было рискованно перебираться через заборы и чужие огороды, а потом и дворы, в которых уже подавали голос собаки, почуявшие чужой запах, принесенный ветром.

Здесь практически в каждом доме есть оружие. Не дай бог местные жители увидят в своем дворе или в огороде посто-

ронного человека, да еще с автоматом в руках. В темноте они не станут разбираться, кто он такой, и дадут очередь, даже не зная, в кого стреляют.

Ему нужно было все же идти до дороги вдоль низких каменных заборчиков, отгораживающих огороды от внешнего мира. Нет, даже не идти, а бежать. Легкие Николаев имел хорошие, чистые, за время пути даже запыхаться не успел.

Он побежал, подсвечивая себе тактическим фонарем, и наконец-то увидел дорогу. Асфальтового покрытия здесь никогда не имелось. Трасса была посыпана гравием, слежавшимся и укатанным. Поэтому грязи здесь не водилось.

В этот же момент Алексею показалось, что где-то в селе одновременно раздались две короткие автоматные очереди. Он прислушался. Кругом стояла тишина. Николаев подумал, что, скорее всего, ошибся. С большого расстояния за шум выстрелов можно было принять что угодно.

Фонарей на улицах села не было. Свет лился только из окон, да и то далеко не всех. Наверное, командир взвода был прав, утверждая, что сельские жители рано ложатся спать. В некоторых окнах свет был слабый и мерцающий. Люди смотрели телевизоры.

Над крыльцом одного из домов горела слабая лампочка. Какая-то женщина в черном гремела ведрами во дворе.

– Извините, можно вас попросить... – громко сказал рядовой Николаев.

Женщина отреагировала на это именно так, как ее при-

учила непростая жизнь. Она торопливо заскочила в дом, загремела железными засовами и выключила свет на крыльце.

Больше на улице никого видно не было. Алексею нужен был местный житель, который позволил бы ему позвонить из своего дома или подсказал бы, где найти участкового. Поэтому рядовой Николаев просто пошел в сторону центра села, надеясь все же кого-то встретить.

Это решение было правильным. Недалеко от площади, единственного места во всем селе, где горели два уличных фонаря, светились окна и открытая дверь магазина.

Николаев слегка смутился, подумал, что двери открывать сейчас как-то не по погоде, но двинулся туда. Мало ли что. Может, продавцы просто проветривают помещение не ночь?

Магазин имел высокое крыльцо. Алексей поднялся на него и увидел человеческую руку. Кто-то лежал за дверью, прямо на полу. Что-то там, в магазине, случилось. Тут же, прямо на глазах рядового Николаева, параллельно руке, из-под двери стала выползать тоненькая струйка крови.

Николаев передернул затвор автомата, шагнул вперед и тут же реально ощутил за спиной постороннее присутствие. Он попытался резко повернуться вместе с оружием, но магазин автомата зацепился за дверной косяк. Тут же два чужих ствола уперлись Алексею в грудь.

«Бронежилет при стрельбе с такой дистанции не спасет!» – понял рядовой Николаев.

Можно было попытаться резким движением убрать кор-

пус в сторону, одновременно отбить рукой стволы, упертые в грудь, выставить свой автомат и дать длинную очередь. Но за дверью стоял третий человек с оружием на изготовку. У него даже приклад был прижат к плечу.

«Он все равно успеет меня завалить. Значит, возможности сопротивляться нет. В данный момент и в этой обстановке. Но это не значит, что она не появится чуть позже», – решил Алексей.

Он плавным движением прислонил к стене свой автомат и показал руки без оружия.

– Мы народ гостеприимный, всегда рады принять хороших людей, – сказал человек, который стоял внизу. – Заберите у него оружие. Руки свяжите. – Мужчина вступил в полосу света, льющегося из раскрытой двери.

Рядовой Николаев с некоторым удивлением увидел, что тот был в полицейской форме. Да и автомат у него был тупорылый, тот самый «АКСУ-74», которые используют в МВД. Погоны рассмотреть возможности не имелось. Поверх кителя на этом человеке были надеты бронежилет и разгрузка.

* * *

Антон Денисов вернулся домой основательно промокший. Он долго ждал автобуса, но дорожные пробки оказались сильнее его желания доехать. В конце концов Антон плюнул на все и пошел пешком. Дождь усилился, но уже не

было смысла прятаться от него где-то под козырьком на остановке.

Дверь открыла Лариса и сразу увидела в руках мужа металлическую палку тренажера.

– Что за дубинку ты приволок? – сердито спросила она вместо приветствия.

Антон был рассеян, погружен в собственные мысли, ощущения и не испытывал особого желания разговаривать. Не каждый же день увидишь фотографию человека, который пропал без вести и так похож на тебя самого.

Однако он ответил жене:

– Парень на работе принес, чтобы я руку разрабатывал. Помогает, говорит. Потом можно будет этой рукой законную супругу хорошим манерам учить.

Антон сразу прошел на кухню, чтобы поставить чайник и наконец-то согреться. Упаковку от покупки он заранее выбросил на улице в урну, а сам тренажер нес в руке. Вещь не тяжелая и компактная. А понять, новая она или уже прошедшая испытания в чьих-то руках, никак невозможно. Черный оксидированный металл не покрыт лаком. Смазка была только в местах сочленений, но ее мог нанести любой человек, перед тем как отдать тренажер другому.

Антон налил в чайник воду и поставил его на газовую плиту.

– Заварка кончилась, – сообщила Лариса совсем просто, без упрека в том, что муж не может обеспечить семью иногда

даже деньгами на чай, не говоря уже о чем-то другом.

Но этот упрек прозвучал уже в самой простоте фразы, в том, что она ее не продолжила. Несказанные слова, как иногда бывает, прозвучали очень даже громко.

Антон вернулся к вешалке, порылся в кармане, вытащил целую горсть мелочи и сказал:

– Здесь хватит. В магазин не сходишь? А то я насквозь промок.

– Схожу. Компьютер только выключу. – Жена явно сделала ему одолжение.

Она сама была большой любительницей чая, потому согласилась сходить в магазин. Лариса не доверяла мужу, всегда жаловалась, что он не тот чай покупает. Антон считал, что сейчас в магазинах он весь одинаков. Вне зависимости от сорта и торговой марки – трава с краской и минимум настоящего чая. Называй его хоть индийским, хоть цейлонским, хоть китайским.

Антон был на кухне, не видел, а только слышал, как закрылась дверь. Лариса ушла в магазин, который находился на первом этаже их же дома. Далекое идти необходимости не было.

Вода закипела. Антон вымыл заварочный чайник, а потом испробовал свою покупку. Он убедился в том, что на руку идет излишне сильная нагрузка, и научился регулировать ее стяжной гайкой.

Только после этого вернулась жена. Она посмотрела на за-

нятие мужа и стала сама заваривать чай.

– Сколько такая железка стоит? – поинтересовалась Лариса между делом.

– Понятия не имею. Мне же на время дали, просто пользоваться.

– Китайская игрушка?

Отношение ко всему, сделанному в Китае, у Ларисы, как и у всех жителей не только нашей страны, было резко отрицательным.

– Насколько я знаю, наша, причем вполне серьезная. Я смотрел в Интернете фильм про него. – Антон тут же понял, что зря это сказал.

На работе у него компьютера нет, а дома за ним постоянно сидит Лариса.

– Когда успел?

Она сразу вспомнила, что муж почти никогда не пользуется ее компьютером.

– Давно уже. Мне Вадим еще месяц назад, если не больше, обещал, да все забывал. У него дом во Владимире, здесь комнатуху снимает. Тренажер дома у него был. Он все забывал его захватить, когда туда ездил. Сегодня вот привез. Уважил!..

Если ты хочешь добиться правдоподобности, то не надо вдаваться в подробности. Или, наоборот, их требуется целый миллион. Когда деталей слишком много, это тоже внушает доверие. Но в них легко запутаться самому.

Мифический Вадим не мог сбить Ларису с толку, хотя она никого на работе у Антона и не знала. Там люди менялись очень часто. Поэтому жена продолжала расспросы, улавливая какой-то подвох или неискренность. Она вообще особа чувствительная, даже подозрительная, любит выспрашивать, копаться во всяких мелочах. Что с нее взять, это у нее в крови – дочь мента.

– А что твой Вадим ломал? Случаем не голову? – Этот вопрос прозвучал недоверчивым вызовом.

– Тоже кисть. Он вообще у нас парень горячий, сам мелкий, но задиристый. Все время в какие-то переделки попадает. То синяк под глаз заработает, то руку сломает и на больничный уходит. Пять дней по справке – бытовая травма, потом бюллетень.

Лариса усмехнулась собственным мыслям и заявила:

– Счастливый. Я, когда работала, постоянно мечтала на больничный попасть, чтобы дома сидеть и писать. Потому меня и считали бледной, хворой немощью. Теперь тут вот сию безвылазно, а ничего не пишется. И больничный мне никто не дает.

Лариса по образованию журналист. Она какое-то время работала в интернет-газете, тогда же написала свой первый детектив и опубликовала его. Лариса решила, что может стать популярной писательницей, бросила работу и засела дома за компьютер. Она три года работала над новой книгой, закончила ее, но никак не могла пристроить в какое-нибудь

издательство.

Редакторы говорили ей, что она опоздала лет на двадцать. В те времена все, что люди писали, шло на ура. Некоторым авторам тогда повезло. Даже со слабыми книжками они смогли втиснуться на рынок, сделали себе имя. Их книги покупают, они и сейчас занимают едва ли не все полки в магазинах. А вот нового автора следует сперва раскручивать. Это для издательства лишние затраты, которые могут и не окупиться.

Лариса написала еще несколько книг, но дело с места не сдвинулось. Печатать ее издатели по-прежнему не хотели.

– Ты привел бы как-нибудь домой своих друзей с работы. А то я и не знаю, с кем ты общаешься. Никто даже и не звонит тебе.

– Они все пьющие, а у меня на бутылку денег нет. Эти ребята мне не друзья, а просто сослуживцы, даже подчиненные. Я все-таки мастер, а они – мои рабочие. – Антону хотелось перевести разговор на другую тему, поэтому он сообщил жене: – Сегодня к нам гостя придет.

– Какая?

– Женщина.

– Если «гостя», то я понимаю, что это не куча мужиков с выпивкой. Или ты один хочешь собой толпу заменить?

– Она пожилая.

– Догадываюсь, что молодой особе только деньги нужны. У тебя их нет, поэтому ты можешь интересоваться только

пожилыми. Что ей надо?

– Зачем ты так?! У человека беда, я помочь хочу попробовать, а ты!.. Пошлый ты человек.

– Ты пей свой пошлый чай, – обидевшись, сказала жена и ушла с кухни в комнату.

Слышно было, как она запустила компьютер, а потом начала молотить пальцами по клавиатуре. Когда Лариса злилась, она всегда сильно била по ней, вымещая свое настроение и недовольство неустроенностью быта. Поэтому жена даже не расспросила, как муж хочет помочь этой женщине.

Лариса хорошо знала про отдельные моменты, когда, как она говорила, на Антона накатывало. Жена подробно его об этом спрашивала, а он толком и объяснить ничего не мог. Сейчас она даже интересоваться не стала причинами визита какой-то женщины. Значит, дела у нее совсем плохо идут.

Когда Ларисе не писалось, она постоянно была не в духе и особенно болезненно реагировала на хроническую нехватку денег в семье. Вообще-то Антон Денисов получал не так уж и мало. Нормальный средний заработок для Москвы. Он не бизнесмен, а простой мастер, занимающийся ремонтом железной дороги. Этих денег с лихвой хватило бы ему одному, даже двоим. Но только в том случае, если бы у них была собственная квартира и не приходилось бы платить за аренду.

Лариса постоянно надеялась, что дела у нее пойдут. Тогда их материальное положение изменится к лучшему. Они и квартиру купят, и смогут позволить себе завести детей. Но

пока никакими сдвигами к лучшему не пахло.

Антон Денисов читал ее произведения, просматривал и другие популярные женские детективы. Он считал, что Лариса пишет на вполне приемлемом среднем уровне, в чем-то даже интереснее, чем многие раскрученные дамочки. По крайней мере, людей она умеет изображать живыми, а не роботами.

Но Антон был плохо знаком с издательской политикой и не понимал причин, по которым рукописи его жены постоянно возвращались с отказом. В последние полгода он вообще уже не верил, что Лариса сможет пробить себе дорогу. Видимо, этот путь не для всех, или же его жене просто не хватало обыкновенного везения. Но его тоже нужно заслужить. Этот непреложный факт Антон знал уже очень давно.

* * *

Из брезентовой кобуры, висевшей на поясе рядового Николаева, бандиты вытащили автоматический пистолет Стечкина, весьма старый, трофейный. Они вынули нож из деревянных ножен, сняли с солдата разгрузку с гранатами и запасными магазинами в каманах-подсумках.

Руки гады связали зверски, иного слова подобрать было нельзя. Сначала они туго стянули веревкой одну в запястье, потом точно так же и вторую. Специально старались, сволочи, чтобы веревки впивались в тело и нарушали кровообра-

щение. Потом бандиты связали между собой руки бойца, в дополнение к этому набросили большую петлю повыше локтей. Полностью стянуть предплечья было невозможно – суставы вывернулись бы. Если веревку опустить чуть пониже, это дало бы какой-то результат.

Но рядовой Николаев не стал подсказывать бандитам очевидные вещи. Такие советы были бы не в его пользу. Он только предельно напряг мышцы, заставляя их расширяться, чтобы потом, при ослаблении, веревка так туго не давила бы на руки. При этом боец сохранял совершенно спокойное, невозмутимое выражение лица, чтобы не видно было, как сильно он напрягается.

Бандиты оценили его мышцы.

– Крепкий парень. Дрова будешь вместо меня колоть. С твоим здоровьем это на пользу и тебе, и людям, – сказал тот садист, который затягивал узлы на веревке.

– Не вижу здесь людей, – спокойно и чуть высокомерно возразил рядовой Николаев.

Бандит по-звериному рыкнул, отступил на шаг, чтобы лучше видеть противника, размахнулся во все нехилое плечо и попытался прикладом автомата ударить Алексея в лицо. Но тут солдата то ли качнула какая-то неведомая сила, то ли он сам плавно уклонился от удара. Приклад прошел рядом с его головой.

Бандит по инерции чуть не вылетел в магазинные двери. Он услышал смех пары своих товарищей, хотел было ударить

второй раз, даже замахнулся, но не учел, что крыльцо было выложено скользкими плитками. Негодяй поскользнулся и свалился на газон с жухлой травой.

Он ничего себе не повредил при падении, вскочил сразу. Лицо его горело яростью. Красные глаза готовы были вылезти из орбит. Он сильно обозлился за свое смешное положение, наставил автомат на пленника и приготовился дать очередь.

– Три тысячи триста тридцать баксов с тебя, – сказал ему бандит в полицейской форме. – Причем каждому из нас, а не мне одному. Лучше бы сразу расплатиться, и настоящими. Фальшивок я тебе сам могу полные карманы навалить.

– Чего еще? – сразу насторожился садист, не понимая, о чем идет речь.

– За выстрел, говорю, каждому из нас по три тысячи триста тридцать баксов. По три зеленых мы тебе простим. Так уж и быть.

– Точно! – улыбаясь, подтвердил второй бандит. – Наша доля выкупа.

Все они были кавказцами, но между собой разговаривали по-русски. Нет, вовсе не для того, чтобы пленник их понимал. Это им было ни к чему. Представители разных народов Кавказа очень часто разговаривают между собой именно по-русски. Ведь многие здешние языки не родственные, их носители не понимают друг друга.

Садист одумался и опустил автомат.

– Джанхот, побудьте пока с ним, я за машиной схожу, – сказал полицейский, не дожидаясь согласия, развернулся и двинулся куда-то в сторону.

Третий бандит с усмешкой кивнул, поставил приклад автомата на носок своего башмака и сильно придавил. Должно быть, обувь была ему маловата. Этот тип чувствовал дискомфорт, поэтому давил на ногу прикладом. Так медведь, у которого чешется спина при сильной линьке, трется ею о дерево.

– Сначала пусть он на всю зиму мне дров наколет, потом мы его продадим, – сказал садист, с ненавистью глядя на рядового Николаева, который по-прежнему стоял на крыльце со связанными руками. – День и ночь топором махать будет!

– Отощает он у тебя, потеряет товарный вид. Тогда нам придется сбрасывать цену. Ты ж, Устас, жадный, людей кормить не любишь.

– Товарный вид этот герой только приобретет. Его же не на стройку продавать придется, а мамочке родной. Она на его фотографию посмотрит и сразу за деньгами побежит, пока сын совсем в дистрофика не превратился.

Алексей Николаев спокойно слушал эти слова. Он не возмущался по поводу нападения на себя, даже тем, что это преступление совершил сотрудник полиции. Боец понял, какие планы имелись у бандитов относительно его особы, даже услышал цену своей жизни. Десять тысяч баксов. Не слишком и много.

Продать его собираются матери. Но откуда родители возьмут эти деньги? Может, отец со своих собутыльников соберет? Так они на бутылку каждый день у магазина еле-еле наскребают.

У матери тоже никаких финансовых запасов не имеется. Она надеется, что сын вернется из армии, женится, устроится на работу и будет ей помогать. Даже квартиру она продать не сможет, потому что таковой у нее просто нет. Жилье принадлежит коммунальной службе, где мать уже третий десяток лет работает.

Рядовой Николаев хорошо знал, что родители не смогут его выкупить. Мать получит только жуткое беспокойство, а отец – повод для очередной крупной пьянки. Они ни при каких стараниях не раздобудут десять тысяч баксов.

Но Алексей знал еще и то, что он не просто солдат, а боец спецназа ГРУ. Горе тем бандитам, которые решились его захватить. Он всегда выберет момент, чтобы вырваться. Не зря парня почти год натаскивали, убеждали в том, что он и сам по себе, с голыми руками является опасным оружием.

Кроме того, Алексей умел превратить в эффективное средство нападения любой предмет, от метлы до авторучки. Этому в спецназе ГРУ тоже учат. Смешно звучит – фехтование на метлах. Но что-то подобное солдатам преподавалось.

Еще его хорошо научили выбирать момент для атаки и даже создавать его. Не лезть напролом, разорвав мундир на груди, а выбрать такую ситуацию, когда враги не ждут от тебя

нападения, думают, что ты слабый и беспомощный. Поэтому они не готовы к противодействию.

Машина подъехала уже через пару минут. Это оказался обычный полицейский «уазик», багажник которого, как у всех автомобилей такого типа и назначения, был переоборудован в обезьянник. Решетка выглядела крепкой, хотя сделана была неумело. Сварщик для страховки наклеил тяжелые толстые швы. Стекла были закрыты прочной мелкой сеткой-рабицей, через которую даже палец просунуть трудно. В обезьяннике было два сиденья.

Бандиты открыли дверцу и не слишком вежливо пихнули в нее пленника. Он недолго выбирал место, сел на то, которое было ближе. Напротив него устроился тот самый садист, которого приятели называли Устасом. Он направил ствол автомата на рядового Николаева.

Стекло за сеткой-рабицей позволяло Алексею видеть, что за руль сел сам полицейский. Рядом с ним, справа, устроился третий бандит.

Все заднее сиденье было завалено продуктами, похищенными из магазина. Теми самыми, из-за которых эти негодяи застрелили продавца.

Машина тронулась. Рядовой Николаев подумал, что амортизаторов у этого «уазика», видимо, не было от рождения, но возмущаться тут было бесполезно. Алексей и не пытался этого делать, сидел и молчал.

Звонок в дверь раздался неожиданно, раньше, чем ждал Денисов. Еще до того как Лариса пошла открывать, Антон уже знал, кто пришел. Это была та самая женщина. Кроме нее никому было появиться. Своих соседей ни он, ни Лариса не знали, потому что на эту квартиру переехали совсем недавно, даже познакомиться ни с кем не успели. Но он точно знал, что это не соседи, а она. И не одна, а с каким-то мужчиной в возрасте. Видимо, с мужем.

С посторонними Лариса всегда разговаривала вежливо, очень корректно. Особенно когда сильно не в духе. Сегодня она была как раз в таком состоянии. Поэтому голос ее, доносящийся из коридора, был настолько вежливым, что Антону захотелось, чтобы она и с ним так же общалась. Ведь умела же Лариса так держаться раньше, когда они еще официально не назывались мужем и женой.

– Антон! – позвала жена. – К тебе пришли.

Антон отложил книгу, которую читал, и вышел в прихожую.

На него тут же накатила новая волна, ударила в голову приливом. При этом он даже не знал, что сказать, не смог бы описать те ощущения, которые испытывал, передать словами то, что чувствовал. Если только приблизительно.

Эта пожилая женщина вдруг показалась ему такой родной

и близкой, что он даже захотел прижаться к ней, обнять ее, как родную мать, погладить по голове, утешить. Женщина тоже, видимо, почувствовала какую-то искру, пробежавшую между ними.

Она вдруг неуверенно позвала:

– Андрюша, ты?

В прихожей было полутемно. Лариса, удивленная словами женщины, включила свет.

Гостя сразу смутилась, прислонилась к стене, бессильно опустила голову и прошептала:

– Извините.

Почти все наваждение ушло вместе со светом. Но вопрос женщины был, видимо, связан с тяжелыми переживаниями, отнявшими у нее множество сил. Она начала медленно сползать по стене. Ноги не держали гостью. Она упала бы, если бы мужчина, пришедший с ней, не поддержал бы ее.

Он и сказал Антону:

– Извините, вы очень похожи на нашего пропавшего сына. Только он таким был лет десять назад. Извините. Для нее это очень сильное переживание. Я хотел один сходить. У нее ведь ноги постоянно отнимаются. Но она захотела сама. Можно табуреточку? Ей пару минут отдохнуть нужно. Извините.

Лариса уже и без просьбы несла с кухни табуретку. Взгляд у Ларисы был непонимающий, но сочувствующий. Мужчина чуть ли не силой усадил жену на табуретку. Она, кажется, не

понимала совсем ничего, даже того очевидного факта, что сидя ей будет легче.

– Я ведь почему и позвонил, – словно чувствуя вину, начал оправдываться Антон. – Фотографию увидел на объявлении, и мне показалось, что это я. Потом вдруг в голову накатило. У меня бывает так. Я иногда чувствую...

Мужчина держал в руке плотную непрозрачную папочку, приподнял ее, показывая Антону, и сказал:

– Я принес, что вы просили. Фотографии. Извините, вы не побудете с Людмилой Ивановной? – обратился он к Ларисе. – Пока она в таком состоянии, мы снимки посмотрим. Может, что-то получится узнать.

– Бога ради, конечно. – Лариса тут же положила руку женщине на плечо, словно поддерживала ее, и сама прислонилась к ней боком.

Антон сделал приглашающий жест. Мужчина разулся, но куртку не снял.

В комнате Антон поставил перед столом два стула. Один для гостя, второй, напротив, для себя. Он сел сам, предложил гостю устраиваться, взял в руки файл, принесенный мужчиной, раскрыл клапан и вытащил пачку фотографий.

Честно говоря, после того как Лариса зажгла свет в коридоре, Антон подумал, что ничего у него не получится. Ощущение, дающее возможность видеть, прошло. Он даже пожалел, что позвал к себе этих престарелых, обессиленных горем людей. Мог бы сам спросить адрес и съездить. Не сахар-

ный, не растаял бы под дождем.

Но как только Антон взял файл в руки, тут же в голову снова пришла горячая волна. Появилась уверенность в том, что он все сделает, увидит и скажет.

Просмотрев несколько фотографий, Антон выбрал одну, сам не понимая, по какому принципу он это сделал. Но что-то подсказало ему, что с этой именно фотографией работать будет проще. Человек, похожий на Антона, только постарше его, улыбался широко и открыто. Может быть, эта самая открытость и давала сейчас Денисову какую-то неведомую энергию.

– Андрей чем занимался? – спросил он, потому что сам сразу понять не сумел.

– Он был тренером по картингу. С детишками возился. Знаете такие маленькие шустрые машины – карты? Очень извилистая трасса. Мальчишки у него сами для себя, своими руками карты собирали и ездили на них. Дети очень любили его.

Антон протянул руку над фотографией и увидел то, о чем говорил мужчина. Трасса для картинга. Андрей стоит на одном колене перед малолетним гонщиком в шлеме и очках и что-то втолковывает этому мальчишке.

– А в этот раз он поехал?..

– Сосед наш попросил – Лимонов Вячеслав Яковлевич. Машину он купил. Перегнать нужно было из Челябинска в Москву. Обещал хорошо заплатить. «Шевроле». Дорогая

спортивная машина. Вы правильно сказали, желтого цвета. С двумя широкими черными полосами на капоте. Я видел фотографию этой машины. Сосед показывал. Дело несложное, машину перегнать. Здесь меньше двух тысяч километров. За два дня можно управиться. Я сам шофер, понимаю, что говорю. Да и дорогу эту знаю. Ездил несколько раз в одну и в другую сторону. А теперь вот, как Андрей пропал, сосед с нас деньги за машину требует. Мало того, что сына нет, еще и должны, оказывается, остались.

Разговор сразу вызвал новое видение. Красивая машина несется по дороге, без натуги обгоняет другие автомобили. За рулем Андрей. Ему нравится быстрая езда и то, что другие водители смотрят на него с завистью. Конечно, он недоволен тем, что это не его машина, но хотя бы на время она принадлежит ему.

– Откуда он звонил? – спросил Андрей, вспомнив, что женщина говорила ему по телефону.

– Проехал Башкирию, оказался в Татарии. Это был последний его звонок.

Пришла новая картинка. «Шевроле» едет уже не так быстро, а водитель разговаривает по мобильнику. Одной рукой держит руль, другой – телефон. При этом он все равно обгоняет другие машины. Даже несмотря на сплошную линию на дороге, которая запрещает подобные маневры.

Денисов закрыл глаза. Он почувствовал, что после этого самого телефонного разговора что-то и началось.

Ехали они очень долго. За это время можно было бы, наверное, пять раз обогнуть все село. Не такое оно и великое по размерам. В темноте, да еще глядя из обезьянника через окно, закрытое сеткой, когда впереди видно только дорогу, освещенную фарами, сориентироваться было сложно. Но рядовой Николаев пытался считать секунды от поворота до поворота, запоминал, направо или налево шла машина.

Наконец-то они куда-то приехали. Бандит в полицейской форме вышел из машины, открыл ворота и загнал «уазик» во двор. Обезьянник негодяи не открывали. Они просто выгрузили часть продуктов с заднего сиденья и снова открыли ворота.

Машина выехала задним ходом и снова начала петлять по улочкам села. Алексей понял, что его просто катают, чтобы он не запомнил путь, и перестал считать повороты. Ни к чему это было. В ночи он не видел никаких ориентиров.

Больше всего солдата раздражала жуткая тряска. Но она помогла ему чуть опустить петлю с локтей. Садисту, сидящему напротив, не хватило ума связать пленнику ноги. Алексей всерьез подумывал о том, что вот в какой-то прекрасный момент бандиты откроют заднюю дверь.

Будет достаточно светло. Он увидит небритый подбородок садиста, сможет немного приподняться и нанести хоро-

ший удар каблуком прямо в эту физиономию. Такое угощение, по идее, должно сразу отключить противника. Его затылок врежется в металлическую обшивку машины. Каблук упрется в челюсть, а рифленая подошва сплющит противнику нос. Он у садиста вместительный, как настоящий рюкзак. Из него вытечет немало соплей и крови.

Дальше уже можно будет выскочить из машины и пообщаться с двумя другими бандитами с помощью тех же ног. Да и руки тоже пригодятся. Петля, что соскочила с локтей, была зажата между кистями солдата. Веревка толстая и грубая. Ею можно бить даже не как плеткой, а как хорошей дубинкой.

Правда, для того чтобы воплотить в жизнь этот план, требовалось дополнительное условие. Два бандита должны были оказаться вне машины без оружия. Зачем оно им? Троиим против одного, да еще и связанного! Вдобавок и садист автомат из рук не выпускает.

Алексей приготовился и ждал, в который уже раз просчитывая моторику своих движений, чтобы потом не пришлось импровизировать на ходу. Он даже попытался определить места, где будут стоять два бандита возле машины. Он просчитал варианты ударов ногами по любому месту. Как бы они ни встали, рядовой Николаев сможет их достать.

К счастью, у всех горцев есть дурная привычка. Они сначала бросаются вперед, пытаясь задавить наглостью. Это потом, когда им хорошенько врежешь, герои резко идут на по-

пятную, включают заднюю скорость.

Так должно было бы получиться и в этот раз. Сначала садист, потом второй, кто окажется ближе. А третий ринется в атаку. Этот храбрец не испугается человека со связанными руками. Тогда Николаеву бежать за ним не придется. Неудобно делать это, если руки стянуты за спиной. Для быстрого бега они должны быть свободными, чтобы энергично помогать ногам с помощью маховых движений.

Полицейский «уазик» стал притормаживать и свернул к следующим воротам. Во дворе было светло.

Рядовой Николаев понял, что сейчас он хорошо разглядит подбородок садиста.

* * *

Невозможно было описать словами то, что чувствовал Антон, и как это происходило. Сейчас его никто об этом и не спрашивал.

Иногда Лариса задавала такие вопросы. Он многократно пытался анализировать свое состояние именно ради нее. Чтобы она потом в какой-то своей новой книге, которую мечтала написать, могла использовать эти сведения.

Но Антон и сам не мог уверенно говорить о происходящем. Может быть, он видел что-то как посторонний наблюдатель, как птица, парящая в вышине. Но нет, это тоже не годилось для описания. Потому что птица воспринимала все

увиденное в реальном времени и в динамичном продолжении. А он – все сразу, целиком, зная заранее, что будет вслед за каким-то конкретным моментом. Только потом Антон выстраивал все события в логической последовательности, вытаскивал какие-то красочные, самые характерные детали. Но и для простого объяснения своего видения ситуации тоже требовалось выстроить логическую и временную цепочку событий.

– Вот он поговорил и хотел было убрать телефон в чехол на поясе, но никак не мог добраться до него рукой и потому положил аппарат рядом с рычагом переключения передач. Там и оставил. Едет дальше, видит бензоколонку. Андрей проскакивает мимо, потом смотрит на датчики и решает, что нужно заправить машину. Но возвращаться он не хочет и едет до следующей заправки. Она недалеко. Андрей заливает полный бак, отъезжает, пешком возвращается за сдачей. За кассой стоит мужчина. Смотрит, как Андрей убирает деньги в бумажник. Видит там пятитысячные купюры. Видимо, немало. Он наклоняется к окошку, провожает Андрея взглядом, рассматривает его машину, восхищенно качает головой. После этого сразу берет со стола мобильник и кому-то звонит. Описывает машину и самого Андрея. А ваш сын еще целый час едет дальше.

За спиной Антона скрипнула дверь. Женщина пришла в себя. Она слышала что-то и там, в коридоре, но решила подойти поближе. Лариса поддерживала ее, но гостя уже сту-

пала почти твердо, добралась до дивана и села.

– Продолжайте, – попросил мужчина.

Он сидел за столом неестественно прямо, поджав напряженные посиневшие губы. Отец Андрея тоже, кажется, чувствовал себя не слишком хорошо и время от времени слегка пошатывался, даже сидя.

– Продолжайте, – попросила и женщина.

– Еще час едет, – возвратился Антон к своему рассказу. – На дороге, на встречной полосе стоит машина. Не знаю марки. Какой-то «Ниссан», тоже спортивная модель. Капот открыт. В двигатель с головой залезла молодая женщина в мини-юбке. Даже ногами машет. Андрей проезжает, останавливается. Потом сдает задним ходом и теперь уже тормозит напротив той машины. Между ними без остановки проезжает другой автомобиль. В ту же сторону, куда ехал Андрей. Он опускает стекло и спрашивает у женщины: «Что случилось?» Она выбирается из-под крышки капота. Женщина эффектная...

– Да, это его слабость – женщины, – сказал отец. – Из-за этого он и с женой развелся. И вообще из-за баб у него всегда неприятности были.

Мать, сидящая на диване, тяжело вздохнула.

Антон не среагировал на то, что его перебили, и продолжил:

– Женщина пожалала плечами: «Не знаю. С двигателем что-то. Не едет». Андрей открыл дверцу своей машины, свесил

ноги. «Помощь нужна?» – «Если вам не трудно». – «Нет, мне не в тягость». Он подходит к машине, склоняется над двигателем. Ему не видно, что рядом делается. Из кустов на дорогу выскакивают два парня. В руках металлические палки. Андрей, видимо, слышит шаги, выпрямляется, смотрит на одного из них, но сказать ничего не успевает. Второй в это время сзади бьет его металлической палкой по голове. Потом еще.

Антон не рассказывал все полностью, оберегая нервы и сердца родителей Андрея. Но сам он видел, что того, уже лежащего без сознания, жестоко добивали. Антон молчал, подыскивал слова, а они никак не шли на язык.

– А дальше?.. – спросил мужчина.

– Говорите! – не попросила, а сурово потребовала женщина.

– Его переносят за дорогу и засовывают в багажник «Шевроле». Один из мужчин садится за руль, второй что-то делает одним движением в двигателе машины женщины. Он устривается на пассажирское сиденье, женщина – за руль, разворачивается, едет первой. «Шевроле» за ней. Минут через сорок они сворачивают на боковую дорогу. Она плохая, не для спортивных машин, но они едут недалеко. Только до соседнего леска. Молодой березняк. – Антон снова замолчал.

Он не мог рассказывать родителям, как негодяи окончательно добились их сына, который начал было приходить в себя.

– Они убили его, – наконец-то сказала женщина.

– Да.

– И в лесу бросили?

– Нет. Его закопали.

– Место можно найти? – спросил мужчина совсем не тем тоном, каким проговорил бы, например: «Его можно спасти?»

В самом вопросе уже была заложена обреченность.

– Лариса, включи компьютер, – попросил Антон. – И принтер тоже.

Она сделала это и сама осталась сидеть перед монитором, зная, что муж слабовато владеет компьютером, и желая помочь ему.

– Что найти? – спросила Лариса еще до того, как монитор показал привычную заставку.

– Войди в любые карты. Нужны автомобильные дороги Татарии. От границы с Башкирией.

Компьютер загрузился быстро. Через Интернет Лариса нашла нужные карты.

Антон подошел к ней.

– Дальше, дальше!.. Теперь стоп. Чуть правее главной дороги. Вот по этой, боковой. Вот этот лесок. Распечатай карту.

Принтер загудел и выдал черно-белую страничку с распечаткой.

– Теперь сам лесок увеличь. На полный экран. Ага, спасибо. Теперь картинку на принтер!

Лариса сделала это и протянула мужу теплый лист бумаги.

Антон протянул руку, поводил над ним ладонью, остановил движение, потом повторил его и посмотрел на картинку. Он взял с компьютерного столика простой карандаш, обвел место в леске и приписал что-то снизу.

Потом Антон протянул мужчине два листа принтерной распечатки и сказал:

– Вот, я обвел карандашом место, где он захоронен. Внизу номер того «Ниссана», на котором была женщина в мини-юбке. Та самая бандитская машина. Номер я ясно видел. Сомнения есть только по первой букве. Она словно бы была грязью специально залеплена. Как спереди, так и сзади. Но проверить не сложно. В полиции это могут сделать.

– Сколько мы вам должны? – спросила женщина.

Антон посмотрел на Ларису.

– Нисколько, – категорично сказала она. – Чай пить будете?

– Нет. Мы сейчас же в полицию пойдем. Отдадим карту, – сказал мужчина. – Пусть проверят. Они там, в том районе, из которого он звонил, уже все, говорят, обыскали, всех опросили. Без результата. Вдруг им карта поможет?

Глава 1

К глубокому разочарованию рядового Николаева, и в этом хорошо освещенном дворе никто не заглянул в обезьянник. Но в окошко было хорошо видно, как третий бандит что-то выгружал из машины и подносил к крыльцу.

Там груз принимала молодая женщина. Другая, постарше, стояла на крыльце, придерживала дверь, не давая ей закрыться, и командовала. Разгрузка закончилась быстро.

Третий бандит заскочил на пассажирское сиденье, и машина выехала на темную улицу села. Дворовые ворота от ветра придерживала та самая молодая женщина, которая и заносила домой груз.

Надо сказать, что срыв его планов не стал для Алексея ударом. Он только оттягивал его освобождение, но не делал его невозможным. Более того, боец спецназа ГРУ на полном серьезе думал о захвате бандитов в плен. Это не обязательный, но весьма желательный результат всех его действий.

Рядовой Николаев не был слабым духом человеком, которого легко сломать, нарушив его намерения. Обломалась одна возможность, подвернется другая. Главное, не отчаиваться и постоянно следить за ситуацией. Новый план, иная возможность появится обязательно.

Кто первый лопухнется, тот и проиграет. Бандиты первыми допустят какую-то оплошность, и рядовой Николаев ста-

нет победителем. Он своего момента не упустит, обучен ловить его. А они этого не умеют.

Жесткий «уазик» опять трясся на улицах села. Время от времени, особенно часто на поворотах, свет фар выхватывал очертания домов, которые запомнить было невозможно, освещал темные окна, наверное, проникал в комнаты и шарил по стенам. Но никто не вышел посмотреть, что за машина здесь катается, не поинтересовался, кто сидит связанный в обезьяннике этой машины.

Несколько раз Алексею казалось, что они уже выехали за пределы села. На поворотах свет фар вырывал из ночи холмы, покрытые жухлой травой. Машина начинала не просто трястись, а давать основательные пинки людям, сидящим позади.

Связанные руки не позволяли Николаеву за что-нибудь уцепиться. Он болтался из стороны в сторону и без конца подпрыгивал. Хорошо еще, что «уазик» – машина с высокой крышей и проломить ее имеет возможность только очень высокий человек.

Мысль о том, что его везут куда-то далеко от этих мест, у пленника даже не возникала. Если бы бандиты хотели это сделать, то зачем тогда им требовалось кружить по селу? Подтверждая мысли рядового Николаева, «уазик» дважды выезжал за пределы селения и возвращался туда.

Маскировка наивная, рассчитанная на дураков, которые не чувствуют поворотов. Рядовой Николаев их ощущал и во-

обще не потерял ориентации в пространстве. При всей немалой продолжительности этой поездки он понял, что вернулись они туда же, откуда выехали.

В этот раз ворота были открыты заранее. Машина сразу, без задержки въехала во двор. Потом кто-то позаботился закрыть ворота. Темнота не позволяла пленнику увидеть, кто ходил по двору. Шагов за звуком изношенного говорливого двигателя было не слышно. Николаев даже не смог понять, мужчина это или женщина.

Садист, сидящий напротив Алексея, зашевелился. Бить ногой в темноте резона не было. Неточный удар чреват встречной автоматной очередью.

Потом открылась дверца, появился небольшой свет. Сначала в обезьянник заглянул автоматный ствол. Только после этого ключ в руках бандита в полицейской форме нашел замочную скважину в замке решетки.

Пока еще бандиты опасались рядового Николаева и были настороже. Но бдительность, как всегда бывает, притупляется со временем. Надо немножко подождать, и тогда момент обязательно представится.

Иначе и быть не может!..

* * *

У Антона Денисова был выходной день. Железнодорожный график работы – двенадцать часов в дневную смену,

столько же отдыха и работы ночью, потом сутки свободны – вполне устраивал его и даже казался удобным. По крайней мере, Антон мог отдаться своему любимому занятию – чтению.

Читал он много с самого детства, хотя никогда не имел собственной библиотеки и пользовался государственными. В этот раз, после ухода гостей, которых Антону было от всей души жалко, он тоже взялся за книгу. Однако Денисов долго не мог сосредоточиться и некоторые страницы перечитывал по паре раз.

Его мысли постоянно возвращались туда, на дорогу в Татарию, к машине, ярко-желтому «Шевроле» с двумя широкими черными полосами на капоте. Сразу после ухода несчастных родителей Лариса влезла в Интернет и узнала, что эти черные полосы были фирменным украшением данной модели. Они наносились на корпуса автомобилей еще на заводе.

Но Антон постепенно освобождался от печальных мыслей о трагедии, случившейся месяц назад. Он вошел в процесс чтения и просидел за книгой до половины ночи. Лариса, кстати, всегда говорила, что ночь для нее – самая рабочая пора. Именно в это время ей всегда хорошо пишется и лучше всего работает воображение. Но она уже легла спать, а Антон все читал.

Поэтому утром он, как и жена, не торопился подняться. Встать его заставил только звонок в дверь. Антон натянул штаны на худые ноги и пошел открывать, по пути глянув

на часы. Было уже начало двенадцатого. Гости оказались совсем не ранними, как Антон думал вначале. Так и так пора вставать.

Взгляд в дверной глазок подсказал ему, что за дверью стоят трое мужчин. Денисову почему-то показалось, что это военные. Наверное, потому что умыться не успел, да и сон ему под влиянием книжки, прочитанной ночью, снился какой-то военный.

Так у Антона часто случалось – о чем читает, то потом и видит. Он не умел анализировать свои фантасмагории, вообще не знал, как к ним относиться, а всяким сонникам не верил ни на грош.

Сейчас, когда Антон открывал дверь, в его голове мелькнула мысль: «Сон в руку».

Но сон оказался здесь ни при чем. За дверью стояли не военные, а трое сотрудников полиции.

– Вы – Антон Денисов?

– Я.

– Старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан Лавренев, – представился тот, что стоял впереди. – Это мои коллеги.

– Слушаю вас. – Антон откровенно зевнул. – Чем могу быть полезен?

– Поговорить хотелось бы. Не возражаете? – Не дожидаясь ответа, капитан Лавренев шагнул за порог.

Коллеги последовали за ним. Они хотели сразу пройти в

комнату.

– Не туда, – сказал Антон чуть грубо и хрипло. – Там жена еще спит. Пойдемте на кухню, вот сюда.

Сотрудники полиции не научены разуваться в чужих квартирах. Они оставили за собой мокрые, грязные следы. На улице со вчерашнего дня не прекращался дождь, и с незваных гостей текло как из водосточной трубы. Наверное, машины у них под рукой не нашлось, и добирались они сюда своим ходом.

– Чем могу быть полезен? – повторил Денисов свой вопрос.

– Сейчас объясним. – Капитан с видом хозяина уселся за стол, расстегнул молнию на затертой кожаной папочке, вытащил несколько каких-то бланков, ручку и собрался, видимо, писать протокол допроса.

Так, по крайней мере, показалось Антону Денисову. Он попытался своими методами узнать, что полиции нужно, но ничего не добился. Видения у него всегда возникали сами собой. Антон очень редко мог выяснить что-то, образно говоря, под заказ. Как правило, требовалось какое-то возбуждение, стимул, чтобы все это заработало.

– Сначала шапку бланка заполним. Фамилия, имя, отчество?

– Антон Иванович, – сказал Денисов и не поторопился назвать фамилию, тем более что полицейские ее уже знали.

Но имя-отчество он произнес тоже не безразлично. Таким

вот образом Антон проверял интеллект тех людей, с которыми встречался.

Люди образованные часто с ехидцей переспрашивали:

– Деникин?

– Нет, просто Денисов, – отвечал он.

Капитан Лавренев на имя-отчество не среагировал и про Деникина не вспомнил. Может быть, он вообще не знал, кто это такой.

– Образование?..

– Высшее.

– Семейное положение?..

– Женат.

– Родились где?

– Под Челябинском.

– Ах, вот, значит, какая связь. А я-то думал!.. Ладно. Об этом потом. Где именно под Челябинском? Город, поселок? Нужно точно указывать.

– В тюрьме. На зоне. Мать меня там родила и умерла. Я потом в детском доме воспитывался. Там же, в Челябинске.

Сотрудники полиции переглянулись и понимающе кивнули друг другу. В таком раскладе их что-то устраивало.

Поэтому следующий вопрос прозвучал совершенно естественно:

– Судимости есть?

– Нет.

– Значит, будут, – спокойно, даже лениво, но уверенно

сказал один из полицейских, глядя за окно, мимо Антона. – Место рождения человеку не случайно дается.

Антон в глубине души возмутился, и это чувство сыграло свою роль. Оно стало тем самым толчком, которого ему не хватало. Денисов увидел ситуацию даже четче, чем ему хотелось бы.

– Если и буду сидеть, то, надеюсь, не в одной зоне с вами, товарищ старший лейтенант. – На сотруднике полиции, обещавшем Денисову судимость, были погоны с тремя звездочками. – Вас уже сегодня арестуют за вчерашнюю взятку. Следствие пройдет достаточно быстро, а потом будет и суд.

– Ты чего мелешь! Какую взятку?! – возмутился старший лейтенант.

– Которую вам эти трое кавказцев дали за отказ в возбуждении уголовного дела по факту грабежа. Вы сами прекрасно знаете.

– Так!.. – сказал капитан. – Копылов, ты что, вчера закрыл это дело?

– Там доказательств никаких, – возмутился старший лейтенант. – Одно только опознание потерпевшего. А он пьяный был. Что этот тип мог вспомнить в таком состоянии?

– Опознание как проводилось?

– По форме. Девять человек выставляли.

– Он троих опознал?

– Ну и что? Совпало. Потерпевший сам перед этим говорил, что для него все кавказцы на одно лицо.

– Может быть, вы не здесь будете все это выяснять? – спросил Антон. – Давайте побыстрее закончим.

– Нет, побыстрее не получится, – сказал капитан. – Первый вопрос. Знакомы ли вы с индивидуальным предпринимателем Лимоновым Вячеславом Яковлевичем?

На кухню из комнаты вошла Лариса, проснувшаяся от незнакомых голосов, и спросила:

– А кто это такой?

Антон вслед за ней повторил:

– А кто это такой?

– Не признаете факт знакомства? Хорошо, я так и запишу. – В голосе капитана прозвучало недовольство или даже легкая угроза.

– Пишите, – заявил Денисов и равнодушно пожал плечами.

Капитан Лавренев записал.

– А что вам вообще нужно? – вдруг взбеленилась Лариса. – Объясните хоть по-человечески, если по-русски разговаривать не разучились, зачем пришли!

Лавренев поднял на нее взгляд вместе с бровями и осведомился:

– Вы, как я полагаю, жена?

– Жена.

– Я пока не знаю, вместе со своим мужем вы работали или нет, но обязательно это выясню. А пока могу вам сообщить, что ваш муж задержан по подозрению в убийстве, совершен-

ном по предварительному сговору в составе организованной группы. Серьезное обвинение. Большой срок грозит.

– Вы о чем говорите? – возмутилась Лариса. – Какое убийство?

– Точно указать родителям, где закопан труп, мог только соучастник убийства, – сказал, как отрезал, капитан, повернулся к Антону Денисову и проговорил: – Ты вчера передал карту родителям убитого гражданина. Сегодня утром полиция того района откопала труп. Точно в указанном месте.

На Антона вдруг снова накатила горячая волна. Даже глаза стало слегка жечь изнутри.

– Лариса, позвони по номеру... – Он назвал несколько цифр. – Расскажи обо всем, что произошло.

Лариса повторила номер, чтобы запомнить.

Капитан Лавренев записал его на полях бланка протокола, тут же достал мобильник и куда-то позвонил.

– Капитан Лавренев. Оленька, быстро пробей мне такой вот номер. – Он назвал цифры. – Я жду, сразу сообщи. – Сотрудник полиции не убирал мобильник от уха.

Ответили ему быстро, меньше чем через минуту.

– Все. Понял. Спасибо, – проговорил он.

Взгляд Лавренева был насмешливым и торжествующим.

– Не поможет это тебе, Денисов. Сейчас не те времена. А что такое управление «Z»? Я вроде бы с ФСБ несколько раз сотрудничал, а о такой структуре не слышал.

– Управление «Z»? – переспросила Лариса. – Это еще что

такое?

Капитан недовольно скривился.

– Телефон, который дал вам ваш муж, принадлежит управлению «Z» ФСБ России. Только сейчас не те времена, когда КГБ могло следственным органам приказывать. Теперь у нас есть закон. Я соглашусь, что он работает не всегда и не для всех действует. Но в данном случае работать будет. Кроме того, ФСБ – это далеко не КГБ.

– Про отношение следственных органов к закону вы лучше спросите у своего старшего лейтенанта, – посоветовал Антон.

Капитан перестал кривиться и просто недовольно нахмурился. Похоже было, что Лавренев привык, чтобы его боялись. Он искал способ запугать человека, подозреваемого в убийстве.

– Я хотел провести предварительный допрос здесь, но не получается. Лучше уж у нас в управлении. Собирайтесь, поедем. – Капитан вытащил из чехла на поясе наручники и демонстративно положил их на стол.

– У вас машины нет, – сказал Антон, вспомнив, в каком виде появились к нему эти менты.

– Вызовем. Наверное, наша оперативная уже освободилась.

– Выходи! – прозвучал приказ.

Стволы смотрели прямо в грудь пленника.

Рядовой Николаев понимал, что он бандитам не виден, хотя они различимы. Пусть и не отлично, но вполне нормально для того, чтобы атаковать их. Однако об этом и речи быть не могло. В узком пространстве обезьянника некуда было спрятаться, невозможно уклониться от автоматной очереди.

Алексей ведь не имел даже бронежилета, который уже примерил садист и забыл снять. Первая же пуля его остановит. Да и бронежилет в такой ситуации панацеей быть не может. Слишком мала дистанция, да и направление ствола прямое. Бронежилет спасает, когда стреляют под углом или издалека.

Командир взвода старший лейтенант Крамолов всегда учил солдат, что свой организм уважать надо, не подставляться ни под пулю, ни под удар. Он всегда ответит на это взаимностью.

Какой смысл был Алексею сейчас подставляться? На что ему можно было рассчитывать, когда он один, безоружный, против трех автоматных стволов? Пусть боец спецназа ГРУ и просчитал заранее ситуацию по своему освобождению, но сейчас она другая и не несет в себе ничего хорошего.

Значит, следует просто ждать, представлять обстановку,

просчитывать ее, даже создавать самому и использовать, когда наступит подходящий момент. Он ведь сейчас не видел даже садиста, сидящего напротив. В ответ на любое его резкое движение последовало бы нажатие спускового крючка автомата снизу, с земли.

Поэтому рядовой Николаев спокойно выставил из обезьянника сначала одну ногу, потом вторую, придерживался двумя связанными руками за дверь и спрыгнул на землю. При этом он получил болезненный тычок автоматным стволом в спину. Садист не удержался!..

Этот негодяй тоже собирался вылезать из машины, поэтому Алексей сделал шаг в сторону. Пленник подсуетился очень даже вовремя, потому что тут же последовал удар ногой. Он должен был бы прийтись между лопаток, но получилось так, что башмак садиста лишь попусту рассек воздух, как час назад – приклад. Садист не удержался в обезьяннике и опять упал сам, без всякого внешнего воздействия.

Мат и смех взвились до небес. Впрочем, сам Николаев даже не улыбнулся. Он смотрел на ситуацию и не проявлял своих эмоций. Хотя мысленно Алексей опять представил, как он обернулся и врезал каблуком в физиономию бандита.

Он на будущее отложил в памяти очень полезный факт: садист неуклюж и на ногах держится неуверенно. Тело у него крупное, большое и сильное, а ноги, видимо, слабые. Они с трудом носят такое тело. Любая потеря равновесия чревата для садиста падением. Как он еще умудрится ничего себе не

ломать? Хотя, может быть, такое и случается, но не каждый день.

Садист выдавал такой отборный мат, что не каждый сантехник или грузчик сумел бы его повторить. Внезапно окно дома осветилось. Потом открылась дверь. На крыльцо вышла женщина, а за ней – девочка лет пятнадцати. Садист заткнулся так резко, словно язык откусил, и на ноги вскочил как солдат при появлении в казарме генерала.

Женщина смотрела перед собой властно и холодно. Девочка из-за ее спины проскочила на крыльцо, подбежала к садисту, сказала что-то на своем языке и крепко обхватила его руками.

На то, чтобы хорошо рассмотреть девочку, света явно не хватало, но все же рядовой Николаев удивился, что у этого редкого уroda такая красивая дочь. Еще больше он удивился, что это грубое и злое существо, оказывается, можно любить. Да, девочка явно обожала садиста и была рада его появлению.

Женщина что-то сказала. Ответил ей третий бандит. Разговор велся на каком-то местном языке, которого рядовой Николаев не понимал, но говорили явно о нем, о пленнике.

Женщина была чем-то недовольна. Высокая, властная, она казалась той силой, которая правит не только в этом доме и дворе, но и за их пределами. Все трое бандитов ее откровенно побаивались. Их тон был даже слегка услужливым.

Но разговор не завершился. Посреди пространной речи,

с которой к женщине обращался садист, она вдруг резко повернулась, что-то сказала девочке и ушла в дом.

Где-то совсем рядом вдруг сильно и грубо залаяла собака, судя по всему, очень крупная и злая. Рядовой Николаев, услышав этот лай, лишь слегка вздрогнул. Все три бандита испуганно шарахнулись в сторону, словно псина была между ними, посреди двора.

К собаке пошла девочка. Она сделала всего несколько шагов к высокому, почти в ее рост, деревянному забору, скрипнула калиткой и вошла куда-то. При этом девочка что-то говорила на своем языке, высоким тонким и певучим голосом.

Похоже было, что собака находилась в вольере, потому что не бряцала цепь, как обычно бывает, когда животное с нее рвется. Почему собака не залаяла сразу, когда машина въехала во двор и из нее вышли люди, Алексею было непонятно.

– Адина сказала, что ты, если захочешь, все равно убежишь, – сказал бандит в полицейской форме, ткнув рядового Николаева в живот стволом автомата. – А если не убежишь, то принесешь всем нам несчастье. Она хочет, чтобы ты что-то для нее сделал, а потом убежал. Мы тоже хотим свое дело сделать. Я все равно возьму за тебя деньги. А потом уж и убегай, куда хочешь. И мне, и Устасу, и Джанхоту – всем нам наплевать на твою жизнь. Оставайся живым и здоровым. Мы не те люди, которые просто так будут человека убивать. Но нам деньги нужны, и мы их получим.

– Кто такая Адина? – поинтересовался Алексей, вопросительно поднял брови и кивнул в сторону двери, в которую только что вошел садист с какой-то коробкой.

– Жена Устаса. Мы ее охраняем. Она – видящая¹.

Третий бандит ткнул полицейского локтем в бок и тот резко замолчал. Видимо, понял, что стал болтать лишнее.

Садист вышел на крыльцо, посмотрел на всех сверху и пробурчал:

– Заходи. – Этот приказ явно относился к рядовому Николаеву.

Алексей посмотрел на двух других бандитов. Тот из них, который был в полицейской форме, подтолкнул его стволом автомата в сторону крыльца. Пришлось идти. Собака при движении пленника залаяла сильнее, словно понимала его положение в этом дворе и не хотела пускать в дом. На крыльце Устас остановил рядового Николаева и долго ковырялся, распутывая узлы на руках, которые сам же и затянул.

– Да разрежь ты, – сказал третий бандит. – Дать нож?

¹ В последние годы на Северном Кавказе идет массовый отстрел знахарей, колдунов, целителей и просто экстрасенсов. Эти убийства совершаются радикальными исламистами, которые считают их всех сторонниками смертного греха. В Карачаево-Черкесии сейчас, например, вообще невозможно найти знахаря или целителя, в Ингушетии они нанимают сильную охрану. В других республиках это выражается не так явственно, но тоже присутствует. О своих делах экстремисты сразу сообщают на соответствующих сайтах, как правило, открытых в доменах арабских стран. Исламское духовенство тоже негативно относится к знахарям и прочим, но считает, что никому нельзя брать на себя право убивать. Человек, лишивший грешника жизни, сам становится таковым (Здесь и далее прим. авт.).

– Веревка хорошая, жалко.

Алексей понял, что Устас соответствует характеристике, которую ему дал у крыльца магазина третий бандит. Он и в самом деле жадный.

Узлы наконец-то поддались толстым грубым ногтям Устаса. Рукам пленника стало легче без веревок. Николаев начал усиленно растирать запястья. Застывшая кровь ринулась в сосуды кистей и пальцев, и это было даже больно. Впечатление такое же, как после мороза, когда ты долго ходил с голыми руками, а потом попал в теплое помещение. Тогда кровь тоже начинает с силой прорываться в пальцы. Только здесь все ощущения были в несколько раз сильнее.

– Иди за мной, – сказал садист Устас и первым двинулся в дом.

Девочка в это время вышла из собачьего вольера и тоже направилась в дом. Алексей слышал, как она легко взбежала на крыльцо и шагала за его спиной.

Вообще-то момент для освобождения был вполне подходящий. Нанести удар садисту, сорвать у него с плеча ремень автомата и броситься назад, на крыльцо. Там сразу расстрелять гада-полицейского и его сообщника, сесть в машину, выбить ворота тяжелым металлическим бампером и уехать.

Смущала рядового Николаева только девочка, идущая сзади. Она, разумеется, никак не смогла бы помешать побегу. Конечно, очень тяжело на глазах у дочери убивать отца, которого она любит. Тем не менее Алексей уже начал под-

бирать шаг, чтобы совершить скачок, который добавляет в удар скорости и веса.

Тут из боковой двери вдруг вышла Адина, хозяйка этого дома. Женщина смотрела на рядового Николаева так, словно читала его мысли. Этот взгляд сковывал все движения бойца спецназа ГРУ, делал его тело вялым и непослушным.

– Бурлят, иди к себе в комнату, – сказала женщина, взглянув за спину пленника.

Она говорила по-русски, чтобы ему было понятно, и совсем без акцента.

– Спать ложись, уже поздно, ночь на дворе.

– Хорошо, мама.

Алексей, не оборачиваясь, почувствовал, что открылась дверь, мимо которой он только что прошел. Девочка ушла туда. Она тоже говорила без акцента, что вообще было редкостью для горных дагестанских сел. Многие дети в этом возрасте здесь вообще не знают русского языка, а если и говорят на нем, то с ужасным акцентом.

– Как тебя зовут? – спросила женщина солдата.

– Алексей Николаев.

– Ты, Алексей Николаев, не шуми. Я только один раз говорю и сказанного не повторяю. Веди себя смирно. По крайней мере пока. – Эти ее слова прозвучали как откровенное предупреждение, угроза и какой-то непонятный намек.

Алексей не слишком хорошо понимал, что такое видящая, но предположить мог. В его понятии это было то же са-

мое, что и ведьма. Хотя и это понятие многие трактуют по-разному. Для одних ведьма – это Баба Яга в разных обликах, для других – та, которая ведает, знает все наперед.

Рядовой Николаев не понимал, как относиться к Адине и к ее словам, поэтому спросил:

– Что такое это «пока»? Чем оно отличается от «сейчас»?

– Позже тебе придется побуйствовать. Тебя для этого и привели сюда. Ты будешь здесь нужен, потому что тебе кое-что дано. А сейчас я не разрешаю.

– Я разве когда-то буйствую? У меня вообще нет такой склонности.

– Зато у тебя есть склонность к убийству. Ты умеешь делать это. Не пытайся пока убивать Устаса. Он добрый человек, хотя очень боится показывать такое свое качество. Среди современных кавказских мужчин оно считается позорным пороком.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Потом поймешь. Подожди несколько дней. Все самобразишь. И скажи спасибо Бурлият, – сурово добавила Адина, словно не слышала его слов. – Это она тебя пожалела, почувствовала что-то такое, чего не уловила я. Я-то не слишком жалостливая. Пожелай счастья нашей девочке, лишенной его.

– Счастья ей! Только почему же она его не имеет? – Алексей замедлил шаги, приближаясь к женщине, но Устас, идущий впереди, не отреагировал на это.

– Ей скоро предстоит перенести множество тяжких бед, а она слепая. Разве ты не заметил?

– Извините. Не заметил, – честно сказал Николаев. – Она ходит так, будто все видит. И глаза у нее красивые.

– Красивые глаза тоже могут не видеть. А ходить она привыкла, все здесь знает. Каждый шаг повторяется изо дня в день. Скоро у нее этого дома не будет. Девочке придется учиться ходить в других местах. Все будут ее обижать. Защити ее, Алексей Николаев. Ты сможешь это сделать. Я знаю то, что не известно другим людям. Ты сможешь, захочешь и сделаешь это. Иначе с тобой всю оставшуюся жизнь будут происходить такие несчастья, о которых ты станешь жалеть, но никогда не сможешь от них избавиться. Нет такой силы, которая могла бы справиться с моим наговором. У вас, у русских, это, кажется, называется порчей. Если ты не сделаешь, что я прикажу, я наведу ее на всю твою жизнь. До самой смерти будешь страдать!

Садист Устас прошел мимо жены, замедлил шаг, но что-то сказать не решился и повернул направо. Адина плавной тенью скользнула в свою дверь и без звука прикрыла ее.

Алексей тоже свернул направо, вслед за садистом Устасом.

Глава 2

Капитан Лавренев быстро дозвонился до своего управления, назвал адрес, потом сказал, что требуется забрать задержанного и доставить в отделение.

– Собирайся. Едем. Машина выходит, – распорядился капитан.

Антон пожал плечами и пошел в комнату, чтобы одеться.

– Илья, присмотри за ним! – приказал Лавренев старшему лейтенанту Копылову.

– Я с вами поеду, – решительно заявила Лариса.

– Зачем? – не понял Лавренев. – Камеры у нас отдельно – мужские и женские. Все равно в одну вас не закроют. Лучше уж оставайтесь дома. Понадобитесь, мы за вами приедем и камеру вам подберем почище, без окурков в углу, не переживайте.

Антон обернулся и резко сказал:

– Никуда ты не поедешь. Я тебе поручение дал. Звони по этому номеру и рассказывай все, начиная со вчерашнего вечера. Упомяни про подобные случаи вообще, раньше. Еще скажи...

– Кому говорить? Кто там ответит?

– Не знаю. Это телефон отдела. Кто отзовется, тому и говори.

– А номер у тебя откуда?

– Сам в голову пришел. Понятно?

– Понятно.

– Я знаю, что говорю. Делай так, как я сказал. – Он прошел в комнату и стал одеваться.

Старший лейтенант Копытов с расстроенной физиономией смотрел за ним.

Когда Антон уже совсем собрался, он не выдержал и спросил:

– Слушай, парень, что ты там про взятку, про арест, про закрытое дело говорил?

– Все, что увидел, то и сказал. Готовь лапы под наручники, старлей. Я не смогу тебе помочь.

Капитан Лавренев подошел к ним и помешал старшему лейтенанту задать следующий вопрос, который у него уже был готов.

– Руки, задержанный!.. – потребовал капитан.

Антон послушно выполнил команду, и наручники защелкнулись.

Первым из квартиры вышел капитан Лавренев. За ним шагал Антон Денисов. С двух сторон от него и немного позади держались Копылов и молоденький лейтенант с водянистыми глазами. Классическая схема.

Когда они спускались, в подъезде никого не было.

«Вот и хорошо, – решил Антон. – А то подумают люди невесть что про новых жильцов. Еще накапают соседи хозяевам квартиры. Те ведь нас выселить могут. Не каждый день

арендаторов выводят в наручниках».

Но на сей раз соседи прозевали такое важное событие. На скамейках у подъезда никого не было. Летом, в хорошую погоду, они представляли собой полигон, на котором оттачивали языки местные старушки. Теперь их, видимо, дождем смыло.

Зато полицейская «Газель» стояла прямо против подъезда. Антона приподняли и посадили туда. Голову, как в американских детективах, при этом жестко придержали, чтобы не ударился и не сказал потом, что его в полиции избивали, заставляя дать ложные показания.

Это обстоятельство капитан Лавренев пояснил в ответ на недоумение, вслух выраженное Антоном.

– А что, часто бьют? – прозвучал естественный дополнительный вопрос.

– А как без этого с вашим братом общаться! Надо бить сильно, больно, но аккуратно. Нас этому обстоятельства хорошо научили.

Антон понял, что его уже начинают запугивать, оказывать давление, пока еще маленькое, но очевидное.

– А адвокат мне полагается? – спросил он с весельем в голосе, пришедшем неведомо откуда.

– Полагается. Предоставим. У нас их много. А когда подозреваемого бьют, адвокат в туалет выходит. Это общепринятая практика.

– Лариса уже дозвонилась, – заявил Антон и улыбнулся.

Он уже знал, что будет дальше, вернее, видел все точно так же, как минувшим вечером – трагические события на дороге. Все вместе, без разделения на факты и эпизоды, каким-то монолитным блоком. Антон уже сам разделял его в хронологическом порядке.

Это время суток оказалось вполне удачным для поездок по Москве. Машин на дорогах было немного. Полицейская сирена и проблесковый синий маячок, включенные водителем, казались арестанту излишествами. И без них можно было ехать на приличной скорости.

– На следующем перекрестке правительственный кортеж проследует. Скажите водителю, чтобы притормозил. Они нас не пропустят, – подсказал Антон.

Водитель услышал его и сам сбросил скорость. Кортеж и в самом деле проследовал. Спереди и сзади него тоже держались машины с проблесковыми маячками и сиренами.

– Кого везут? – спросил капитан Лавренев.

– Никого. С техобслуживания в гараж машины перегоняют, – ответил Антон.

Старший лейтенант Копылов сидел рядом с водителем. Он опустил голову и вообще ничего не слышал и не видел.

До отделения полиции они добрались через тридцать минут. От машины до дверей шли в том же порядке, что и прежде, перед отъездом. На крыльце стояли люди. Как гражданские, так и в форме, в том числе несколько омоновцев.

Лавренев уже открыл дверь, когда кто-то со стороны по-

звал:

– Копылов, Илюша!..

Старший лейтенант шагнул в ту сторону. Ему сунули какую-то бумагу, согнутую пополам. Он взял лист двумя руками, раскрыл, и тут же на его кистях защелкнулись наручники. По бокам у старшего лейтенанта сразу встали два омоновца. Точно так же, как сам он только что стоял позади Антона.

Капитан Лавренев остановился, желая выяснить ситуацию, но не удержался и посмотрел на Денисова.

Тот заранее знал о том, что сейчас произойдет, и заявил:

– Что и требовалось доказать. Как я и обещал!..

Лавреневу этого было мало, но к нему тут же подошел какой-то человек в гражданском, показал ему развернутое удостоверение и представился:

– Подполковник Скоков, служба собственной безопасности главка. Как нам пройти в кабинет старшего лейтенанта?

– Зачем?

– Я должен вам предъявлять ордер на обыск?

– Дежурный вас проводит, товарищ подполковник. Я пока с задержанным занят. Извините.

Старшего лейтенанта Копылова увели первым. Придержали дверь, да и голову тоже. Наверное, по той же причине, чтобы не разбил себе лицо. На Антона Копылов посмотрел с такой лютой ненавистью, будто тот сдал его службе собственной безопасности МВД или, по крайней мере, лично всучил

ему взятку.

Антон в ответ только пожал плечами. Он развел бы руки, если бы не браслеты.

Устас привел рядового Николаева на кухню, угловое помещение с окнами на две стороны. Посреди нее лежал толстый палас, свернутый вдвое. Рядовой Николаев был военным разведчиком. Войдя в дом и увидев на кухне такой ковер, он сразу решил, что тот что-то прикрывает.

Палас на кухне, где что-то жирное и липкое запросто может упасть на пол или пролиться, – это нонсенс. В нормальных домах так не бывает. Тем более что палас явно дорогой, толстенный. Пленнику сразу стало понятно, что он усиливает звукоизоляцию.

Садист показал на люк в полу, рядом с паласом, жестом показал рядовому Николаеву, что тот должен делать. Вниз вела лестница, крутая, на которой в темноте запросто можно было бы и ноги сломать. Пленник разглядел сверху, что под ней, в полу был еще один люк.

Алексей не спешил спускаться.

– Устас, а что, у тебя жена всегда так ходит? – поинтересовался он.

Садист не сразу ответил на вопрос.

– Как ходит? – испуганно проговорил Устас и глянул на дверь кухни.

Нет ли там Адины?

Наверное, она держала мужа в страхе, хотя как-то не по-

хоже было, чтобы часто была. Манеры у нее не те. Да и он не похож на мужика, которого постоянно колотят.

– Как плавает, – пояснил Алексей. – Стояла в коридоре, на нас смотрела, и нет ее. Не шагала вроде бы, а исчезла.

– Когда стояла? – спросил Устас.

– Сейчас. Когда ты меня вел. Ты же видел ее, шаги перед ней замедлил. Она со мной разговаривала.

Садист выглядел полным дураком. Он был напуган и растерян, однако, как показалось Николаеву, совсем не удивлен. Похоже было, что в этом доме всякие странные события стали обычным явлением. Хозяин дома давно уже этому не удивлялся, принимал все как должное.

– Не было ее там. Хватит зубы мне заговаривать! Спускайся!..

Алексей ничего не понял, но отлично знал, что находится в здравом уме и твердой памяти, отдавал себе полный отчет в том, что только что разговаривал с Адиной. Солдат почти слово в слово помнил все, что она сказала.

Так что же садист? Он вообще в своем уме? Не мог же он ее не увидеть и не услышать! Кстати, это же запросто можно проверить.

– А дочь твоя, Бурлият, она что, от рождения слепая или с ней случилось что-то? Заболела?

– От рождения. А ты откуда знаешь?

– Адина сказала.

– Когда она могла тебе сказать? Ты с ней не разговаривал!

Садист, кажется, обозлился не на шутку. Пленнику непонятно было, на него он обиделся или на жену.

– Лезь вниз. Не заговаривай мне зубы. Мало ли кто с тобой говорит. Лезь!..

– Я зубы заговаривать не умею. Я не знахарь, – сказал рядовой Николаев, полез в люк, но остановился на середине лестницы и спросил: – А чем твоя жена вообще занимается?

– Всем.

– Всем доступно заниматься только Богу.

– Она все знает. Обо всех. К ней приходят, она говорит. У кого какие вопросы есть, отвечает. Советует. Адина и о тебе все знает. Пока молчит, но все равно расскажет, если я попрошу.

– А если ее просят порчу на кого-то наслать? Делает?

Садист издал какое-то невнятное уханье, видимо, что-то значащее только для него одного. Он замахнулся, чтобы ударить прикладом в затылок Алексею, но удержал руки невероятным усилием воли.

Рядовой Николаев все видел. Он готов был отстраниться, чтобы Устас мимо его плеча сам полетел в люк вниз головой. Солдат собрался подставить ногу, чтобы башка бандита задела тяжелый башмак, перед тем как поздороваться с нижним люком. Но садист и сам, видимо, понял, что при промахе свалится. Поэтому он сдержал свою дикую ярость, достойную снежного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.